

Л.Чарская. Тасино горе. -- Санкт-Петербург-Москва: т-во О.Вольф, 1909 -- 198с.: ил.
И.В.Симакова
Kapti, 2009г
Исправлено в соответствии с современной орфографией.

Лидия Чарская

Тасино горе

Глава I

Почему сердятся на Тасю.

Золотые лучи июльского солнышка заливают комнату своим ярким светом. Окно в сад раскрыто настежь, и в него тянутся колючие ветки шиповника, сплошь покрытые душистыми розовыми цветами.

Черноглазая девочка, подвижная и хорошенькая, но с капризно вытянутыми в гримасу губами и с сердито нахмуренными бровями, пишет, потешно прикусив кончик высунутого языка.

Пожилая гувернантка, низко наклонив голову над книгой и сощутив близорукие глаза, громко читает, отделяя каждое слово.

-- "Послушание и покорность есть самое главное достоинство каждого ребенка", -- диктует гувернантка и, оторвавшись на мгновение от книги, обращается к черноглазой девочке:

-- После ребенка надо поставить точку. Вы написали, Тася?

Девочка бурчит что-то себе под нос, потом быстро отбрасывает от себя перо и кричит чуть не в голос на всю классную:

-- Я посадила кляксу, мадмуазель! Я посадила кляксу!

-- Тише! -- спокойно, но строго останавливает гувернантка, -- не кричите же так, я не глухая. Приложите промокательную бумагу и пишите дальше.

-- Я не хочу писать! -- решительно заявляет девочка и резким движением отшвыривает тетрадь в сторону.

-- Но вы должны заниматься, -- чуть повышая голос, возражает Марья Васильевна (так зовут гувернантку). -- Вы должны заниматься, Тася, -- еще строже повторяет она, -- ваша мама желает, чтобы вы делали диктовку ежедневно.

-- Неправда! -- горячится девочка, -- мамаша добрая и не захочет мучить бедную Тасю, а это все вы сами выдумали! Да, да, да! Сами, сами, сами! -- И она готова расплакаться злыми, капризными слезами.

Потом, неожиданно придвинув к себе тетрадь и обмакнув перо, она сердито заговорила:

-- Ну, да уж хорошо! Диктуйте! Я буду писать, раз вы требуете. Диктуйте, только поскорее!

И в тоже время черные глазки девочки весело и плутовато блеснули под длинными пушистыми ресницами.

-- Так-то лучше, -- произнесла, несколько смягчаясь в свою очередь, Марья Васильевна, -- давно бы так.

И, поднеся к своим близоруким глазам книгу, она снова принялась читать, отделяя по слогам каждое слово:

-- "Послушный ребенок -- это радость всех окружающих, -- его все любят и стараются сделать ему как можно больше приятного"...

На минуту в классной воцарилась полнейшая тишина. Только мерно раздавался голос Марьи Васильевны да скрип пера, быстро бегающего по бумаге. Тася, склонив головку на бок, теперь старательно и усердно выводила что-то пером на страницах тетради.

-- Ну, кончили вы, наконец, Тася? -- через некоторый промежуток времени обратилась снова Марья Васильевна к своей воспитаннице.

-- Кончила, мадмуазель! -- с самым смиренным видом возразила та, протягивая тетрадь гувернантке.

Гувернантка по привычке приблизила тетрадь к самому лицу и в ту же минуту легкий крик негодования сорвался с её сердито поджатых губ.